

Глава I

УЧЕНЫЙ-ПРИЗРАК

Летом двадцать третьего года Тяньси¹ дракон упал в уезде Хуамэн, провинции Гуандун. В высоту он превосходил любого человека, в длину был более десятка чжанов².

Его поймали сетью, кожа и плоть его были распороты, позвоночник исчез. Когда чиновники и простой народ толпою пришли посмотреть, нагрянул ливень, разбушевались и вздыбились волны. Дракона увлекло в море, не осталось и следа.

«Хроники уезда Хуамэн»³

Зима того же года, уезд Нинъян, округ Хуэйчжоу. Только отступали в банцзы, оповещая, что наступила пятая стража⁴. Небо было еще темно, но на улице Синтан уже смутно раздавались голоса. Слуга ресторана «Девять

¹ Тяньси (天禧) — девиз правления императора и гурхана Елюй Чжунху, правившего государством Западное Ляо (также известно как Каракитайское ханство и Кара-киданьское ханство) в период с 1178 по 1211 г. н. э. Двадцать третий год — 1200 г. н. э.

² 1 чжан — 3,3 метра.

³ Адаптированный отрывок из «Семи компиляций классифицированных очерков» Лан Ина. Оригинальный текст: «Друг мой, отец Цзинь Маочжи, перед годом Чэнхуа путешествовал уездом Синьхуэй провинции Гуандун. Одним днем, когда утих утренний прилив, с воздуха в пески упал дракон. Рыбаки поблизости, каждый с палкой в руках, забили [дракона] до смерти. Чиновники и простой народ толпою пришли посмотреть. В высоту [дракон] превосходил любого человека, в длину был более десятка чжанов, весь покрыт чешуей и с рогами. [Дракон] точно сошел с картины, однако живот его был красный. Хотя [люди] никогда прежде не видели [дракона], все они поняли, что значит [красный]». — *Примеч. автора.*

⁴ Пятая стража — время с 3 до 5 часов. Банцзы (梆子) — деревянный ударный инструмент, который в том числе использовали караульные в древности для отсчета времени ночью. Удары в банцзы помогали людям ориентироваться во времени и создавали атмосферу порядка и спокойствия.

вкусов» вынес несколько больших бамбуковых решет, где лежали едва снятые с пара баоцзы¹, и выставил перед зданием стойку с завтраками.

Вжимая шею в плечи и потирая руки, подбежал ночной караульный и купил три баоцзы. Он расправился с первым в два укуса и, с трудом проглатывая, подал глазами знак слуге ресторана «Девять вкусов»:

— Эй? Подготовил?

— Подготовил. Тут вот. — Слуга со встревоженным лицом похлопал по ящичку для еды, что стоял у решеток-корзин.

Караульный сказал пораженно:

— В самом деле подготовил? Что, если он... Что, если та штука не придет сегодня?

Слуга беззвучно содрогнулся и произнес сухо:

— Молю матушку и предков, чтобы он не пришел.

Ресторан «Девять вкусов» был довольно знаменитым в уезде Нинъян². Главный повар носил прозвище Лю Саньян³. Говорили, что он мог бы обойти мир с тремя коронными блюдами. А именно — обжаренным с персиковой смолой⁴ мясом, поджаренной курицей в глиняном горшке и гималайской циветой с грушами. Мясо — свинья подбрюшина с кожей, курица — в меру жирный дикий фазан, а цивета — обязательно пойманная в снежный день.

Ресторан «Девять вкусов» полагался на эти три блюда, и изо дня в день приходило множество посетителей, дела шли отлично. Но Лю Саньян любил важничать. Каждый день он

¹ Баоцзы (包子) — приготовленные на пару булочки, обычно с начинкой.

² Нинъян (宁阳) — спокойный, мирный, солнечный.

³ Сань (三) — три; ян (样) — вид.

⁴ Персиковая смола, или персиковая камедь, — природная смола персикового дерева, которую используют в китайской кухне и медицине. Ее добавляют в еду для улучшения текстуры (желирующие свойства), а также из-за ее пользы для здоровья (пищеварение, увлажнение кожи). Это натуральный ингредиент, популярный в традиционных и современных блюдах.

готовил по десять порций — и ни одним котелком больше. Так что если хотелось поесть, следовало приходиться рано.

Впрочем, явиться еще в пятую стражу ради шикарных блюд — это, верней всего, уже проблемы с головой.

Этот уважаемый господин с проблемами приходил уже два дня подряд.

В первый день он заказал у слуги три блюда и после не проронил больше ни вдоха. Действительно — ни вдоха.

Зимой, когда обычный человек выдыхает или открывает рот, появляется беловатый туман, но его лицо было видно совершенно ясно, без малейшего намека на дымку. На следующий день у него оказалось больше пожеланий. Не помещать поджаренную курицу в глиняном горшке в глиняный горшок, не добавлять звездчатый анис и фенхель, а в гималайскую цивету с грушами не класть груши...

С такими требованиями он и вовсе как будто пришел не поесть порядочно, а разрушить репутацию.

Так или иначе, слуга не только не выпроводил вредного гостя, но и обслуживал его, непрестанно дрожа, целых два дня. Сегодня он даже приготовил ящичек с заказом заранее.

Он взглянул на небо. Ноги тряслись, и он, вытянув шею точно курица, спросил караульного:

— Почти время, к-к-как т-ты не дрожишь?

— Я постоянно хожу ночами, с чего бы дрожать? — Затем караульный понизил голос и добавил: — Кроме того, весь этот год не слишком спокойный, столкнуться с нечистой вообще не удивительно. Слышал же, в Гуандуне в шестом месяце видели истинного дракона? Упал на берегу моря. Говорят, кто-то вытащил из него жилы и кости! Вытащили жилы дракона, а! Ты скажи, что это за знамение? Последние два месяца поговаривают еще, что гоши¹ едва не скончался...

¹ Гоши (также наставник государя и наставник страны) (国师). — При некоторых династиях это была придворная должность буддийского монаха высшего ранга, который отвечал главным образом за религиозные вопросы.

Прежде чем караульный закончил, слуга, перепуганный настолько, что, казалось, хотел сползти под стойку, перебил его:

— Идет, идет, он п-п-правда опять здесь...

Только голос затих, перед стойкой прибавился человек, похожий на ученого.

Вид его был непримечательным и глубоко утомленным, щеки выглядели необычайно красными, будто он так долго грелся у огня, что вот-вот поджарился бы. Человек этот носил серо-зеленый чанпао¹. Сам он был тощий, одежды — тонкие, и было похоже, будто кусок ткани зацепился за сук, ветер подует — унесет к небесам.

В свете фонаря из белой бумаги караульный полдня всматривался в лицо ученого, баоцзы у него во рту остыл, а он так и не вспомнил проглотить.

Ученый пробормотал себе под нос: «На месте», а затем медленно поднял голову, неподвижно глядя на слугу черными-черными глазами. Поистине ужасающе.

Слуга тут же прижал бедра друг к другу — ему казалось, он сейчас описается.

— Будьте добры, обжаренное с персиковой смолой мясо... — У этого ученого, когда он говорил надлежаще, был на удивление приятный голос. Изрядно отличавшийся от того, как когда он только что обращался к самому себе, подобный шелесту бамбука и журчанию воды. Однако речь его не сочеталась ни с выражением лица, ни с движениями рта, и это... ужасало еще больше.

Слуга отвернулся, подхватил ящичек с едой и опасливо передал ему в руки:

— Все, все уже готово. В фарфоровом горшке, без груш, без аниса, без фенхеля. С пылу с жару, еще горячее.

Ученый будто подавился на мгновение. Он уставился на ящичек с едой, затем наконец отреагировал и медленно кивнул:

¹ Чанпао (长袍) — традиционные длинные одежды.

— Благодарю.

Его голос был хриплым и снова звучал немного иначе, чем когда он произнес предыдущие слова.

Ящичек с едой оказался слишком тяжелым для него — картина была такой, будто кончик ветки оттягивал вниз вес в тысячу цзиней¹. Он шел гораздо медленнее, чем когда только появился, и потребовалось много времени, чтобы он отошел далеко.

Караульный вздрогнул и пришел в чувство.

Слуга, совершенно бледный, спросил шепотом:

— Теперь ты видел, да? Это лицо... Э? Куда ты так спешишь?

Караульный ответил:

— Надо отлить.

Слуга промолчал.

Однако караульный не ушел далеко, как уже вернулся с медным гонгом и банцзы в руках.

Не успел еще слуга открыть рот, как он похлопал его по плечу и, подмигнув, указал куда-то вперед:

— Погляди туда!

Прямо по другую сторону улицы из темноты бесшумно возникла белая тень.

У перепуганного слуги вмиг обмякли ноги — он едва не решил, что снова видит нечто мерзкое.

К счастью, он взглянул еще раз и понял, что там буддийский монах.

Он носил белые монашеские одежды — тонкие и простые, с широкими рукавами. С головы до пят на нем было не найти другого цвета, словно он в трауре. Вот уж не к добру увидеть подобное в такую рань.

Слуга не понял:

— Я вижу, но разве это не обычный монах?

Караульный сказал тихо:

.....
¹ 1 цзинь — 500 граммов.

— Я только что проходил мимо и взглянул на него — у него на поясе висит пять императорских монет!¹

Пятью императорскими монетами уничтожали злых духов или оберегали дом. Поговаривали, что гоши очень любит их и всегда носит связку на поясе. Теперь пять императорских монет чаще всего использовали люди, зарабатывающие себе на хлеб тем, что изгоняли призраков. Хотя среди них хватало шарлатанов, у большинства была парочка полезных навыков.

Слуга бегло осмотрел монаха издали и почувствовал, что того окружает аура, которую словами описать не удалось бы. Но если кратко — на шарлатана тот ничуть не походил. Впрочем, слугу этонисколько не волновало. Три дня уже были для него пределом — если этот ученый заявится завтра утром, он не выдержит и описается прямо на месте.

Монах шел медленно, но оказался близко довольно скоро. Видя, что он собирается пройти мимо стойки, слуга позвал:

— Учитель², подождите!

Монах остановился, и подол его белоснежных одежд несколько раз легко качнулся. Он бросил взгляд на слугу, и хотя в глазах его не виделось ни намекана злость, не нашлось в них и теплоты. Они были даже холоднее ветра, что дул в лицо. Прежде чем монах подошел, слуга заметил, что тот очень высокий — настолько, что взгляд его был направлен сверху вниз. Отчего-то это заставило слугу отступить на полшага

¹ Согласно легендам, первыми пятью императорами были Хуан-ди, Чжуань-суй, Ди Ку, Тан Яо, Юй Шунь. Но в данном контексте пять императоров, вероятнее всего, отсылают к небесным владыкам, отвечающим за стороны света: на востоке — Цин-ди (Зеленый император), или Тай-хао; на юге — Чи-ди (Красный император), или Шэньнун; в зените — Хуан-ди (Желтый император), или Сюаньюань; на западе — Бай-ди (Белый император), или Шао-хао; на севере — Хэй-ди (Черный император), или Чжуань-суй.

² «Учитель» (大师) буквально переводится как «великий мастер» или «великий учитель». Называя монаха учителем, обыватели тем самым подчеркивают его роль как духовного лидера и носителя мудрости.

назад, и он столкнулся с караульным, подавшимся назад точно так же. С ударом от столкновения к слуге вернулась решительность. Он рискнул заговорить снова:

— Я заметил, учитель носит на поясе пять императорских монет, значит, понимает, как изгонять нечисть?

Монах взглянул на медные монеты на своем поясе безо всякого выражения — не подтверждая и не отрицая.

Слуга неловко посмотрел на караульного и подумал, что этот буддийский монах еще холоднее, чем злые ветра этого зимнего месяца. Ощутив внезапный озноб, он совершенно растерялся, не зная, как продолжить.

К счастью, караульный оказался устойчивее к холоду и заговорил вместо него. Парой слов он описал внешность гостя, похожего на ученого, и сказал монаху:

— Мы не так чтобы хорошо знаем его в лицо, но и спутать не могли — это сын старого Цзяна. Но... но лечебница Цзянов сгорела три года назад — кроме дочери, что вышла замуж и переехала в Аньцин¹, никто не выжил, все погибли в огне! Как говорит пословица, в пятую стражу гуляет нечисть. Мертвый человек появляется три дня подряд, да еще как раз в пятую стражу, как тут не испугаться?!

Монах коротко взглянул на небо и наконец заговорил. Как если бы слова были золотом, он холодно сказал лишь два:

— Где он?

Услышав это, слуга мгновенно оживился. Он указал на угол немного поодаль и торопливо сказал:

— Только ушел! Может, пока еще и в ворота не зашел! Я знаю лечебницу Цзянов, учитель, мне... мне проводить вас?

Впрочем, скоро слуга пожалел о своих словах и захотел хорошенько ударить себя. Зачем он вообще открыл рот?!

До чего нужно ненавидеть жизнь, чтобы в такую холодную зиму идти рядом с этим человеком-сосулькой? Слуге показалось, что остаток его века сократился вдвое, только пока

.....
¹ Аньцин (安庆) — спокойное празднование или мирное торжество.

они прошли эти несколько проулков. Он то и дело поглядывал на молодого монаха, но так и не решился спросить, чего тот хочет, и лишь запомнил небольшую родинку на шее сбоку.

Прежде чем слуга замерз бы до смерти, они все же вышли на угол проулка перед лечебницей Цзянов. Как слуга и предполагал, ученый, выглядевший так, будто не устоит под порывом ветра, еще не прошел через ворота. Он двигался медленно, шаг за шагом, и нес через улочку ящичек с едой.

Станным образом он шел, разговаривая сам с собой, и голос его звучал по-разному — был то чистым и приятным, то хриплым и мрачным.

— Ты лично взбирался на гору, чтобы поймать мне курицу? С такой скоростью раньше первого месяца доберешься? — этот был чистым.

— Ну, я хоть быстрее, чем неходячие, — а этот — хриплым.

— Я смотрю, тебе жить надоело.

— Этот ничтожный¹ три года как мертв.

Молчание.

Ученый словно разделился, с чувством разыгрывая сценку «Что называется — совершенно больной» на два голоса в одиночку. А после он обернулся бумажным человечком и проскользнул сквозь щель в стене лечебницы Цзянов.

Слугу, неосторожно наблюдавшего за всем этим из-за угла, охватил ужас, и он хотел тотчас же сбежать. Он уже собирался удрать, когда вспомнил, что рядом с ним все еще стоит ледяной монах. Слуга в крайнем волнении нащупал мешочек с деньгами, без лишних слов сунул его в руки учителю, и не успел еще договорить: «В знак моей благодарности!», как уже умчался едва ли не на десяток ли².

¹ «Этот ничтожный» (在下) — вежливое обращение к себе, которое подчеркивает уважение к собеседнику. Оно отражает традиционные китайские ценности, такие как скромность, уважительное отношение к другим и соблюдение иерархии. Можно сравнить с «ваш покорный слуга» в русском. Здесь «этот ничтожный», однако, используется в том числе в шутовском тоне.

² 1 ли — примерно 500 метров.

Монах нахмурился и опустил глаза на кошель в руках.

Кто знает, когда эту вещь стирали в последний раз? Изначальный цвет было уже не разобрать, от нее разило старым маслом и рыбой.

Он уже почти разжал руку, желая тут же избавиться от грязной вещи, но поймал снова раньше, чем завязка соскользнула с пальца. Сохраняя почти безразличное лицо, на котором проступал лишь намек на отвращение, он с поношенным кошельем в руках бесшумно направился к воротам лечебницы Цзянов.

Слуга, прибежав обратно к ресторану «Девять вкусов», оперся о стену, чтобы перевести дыхание, и долго хватал воздух ртом. А когда к нему вернулась способность говорить, бурно жестикулируя, описал караульному, что случилось. Закончив, он помедлил, а затем проговорил на одном дыхании, но будто в сомнениях:

— Я вдруг понял, что тот учитель кажется мне знакомым.

— Ты целыми днями за этой стойкой, столько людей проходит мимо — конечно, кто угодно покажется знакомым, — проворчал караульный.

Не в силах возразить, слуга судорожно вдохнул и выпрямился. Он скользнул взглядом по стене, на которую опирался, и внезапно заметил кое-что.

Там висело объявление о розыске — к сожалению, оно появилось в Большие снега¹. Бумага сразу вымокла и замерзла, ее занесло снегом, и уже на следующий день портрет было не рассмотреть. Слуга только раз взглянул на него тогда из-за стойки, и у него осталось лишь смутное впечатление.

Теперь это объявление было оборвано более чем наполовину. Оставалась только нижняя часть портрета — шея, но на ней можно было ясно увидеть родинку сбоку — точно в том месте, где такая же была у того учителя.

Слугу тут же прошила дрожь: это был разыскиваемый преступник, за которого назначили награду!

.....
¹ Дасюэ (大雪) — Большие снега, 21-й из 24 солнечных сезонов, приходится ориентировочно на период с 7 по 21 декабря.